

Фонд развития
парламентаризма
в России

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА * И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

(тезисы доклада)**

Совет по
внешней и оборонной
политике

Спонсор доклада — компания РОСПРОМ

1. РЕГИОН ЦВЕ МЕЖДУ СОВЕТСКОЦЕНТРИЗМОМ И ЕВРОПОЦЕНТРИЗМОМ

1.1. История взаимоотношений России со странами Центральной и Восточной Европы в 90-е годы — это повествование о ее отступлении из региона. Отступлению во многом вынужденном и неизбежном, но принявшем особо дезорганизованный характер после кончины Советского Союза. Многие в этом поспешном уходе было оставлено безвозмездно или уступлено за бесценок, немало было просто брошено впопыхах, существовавшие тогда возможности гарантировать и договорно закрепить оборонные и экономические интересы страны были необдуманно упущены. Однако сам этот процесс был задан объективно.

Особая роль региона в советском блоке и повышенная геополитическая значимость для СССР как выдвинутого рубежа обороны определялась контекстом глобального противостояния двух систем. Этим объяснялось и приоритетное место среднеразвитых стран ЦВЕ во внешнеэкономических связях Советского Союза, и сам характер этих связей, которые по сути сводились к оплате военно-политической лояльности союзников по Варшавскому договору значительными экономическими дотациями им. Дотирование осуществлялось через заниженные цены на российские энергоносители и сырье и завышенные — на товары партнеров по Совету Экономической Взаимопомощи, через невыгодную для СССР структуру товарооборота и систему расчетов, при которых "твердвалютные" товары топливно-сырьевого экспорта "обменивались" на "мягковалютные" изделия среднего качества.

Прекращение "холодной войны" уменьшило стратегическое значение региона для обеих соперничавших сверхдержав. Экономический кризис, в который все сильнее погружались и страны региона, и СССР, бывший последним кризисом социализма как общественного строя и мировой системы, сделал непосильным для Советского Союза поддержание прежнего уровня расходов на оплату западного форпоста и "витрины" социализма. Повышение цен на российские энергоносители до уровня мировых и переход к расчетам в свободно конвертируемой валюте в 1991 г., вызвавшие обвальное падение товарооборота и конец СЭВа, лишь зафиксировали невозможность сохранения прежних

---

* Центральная и Восточная Европа в докладе — не более чем условное обозначение региона, лежащего между постсоветским пространством и государствами, традиционно относимыми к Западной Европе, при очевидной спорности такого выделения, исторической изменчивости наименования этой территории и подвижности ее границ.

** Тезисы являются кратким изложением доклада, подготовленного по заказу Фонда развития парламентаризма в России (ФРПР) и Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Над докладом работала группа авторов под руководством к.и.н. П.Е.Канделя (Институт Европы РАН) при участии: к.э.н. С.П.Глинкиной, д.э.н. П.И.Кулигина, к.э.н. Н.В.Фейт (Институт международных экономических и политических исследований РАН), к.э.н. Т.Н.Чеклиной, С.С.Пекура (Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт).

В предварительном обсуждении и доработке доклада участвовали также В.П.Аверчев, секретарь Комитета Государственной Думы по международным делам; А.А.Захаров, первый заместитель генерального директора ФРПР; С.А.Караганов, председатель Коллегии СВОП, заместитель директора Института Европы РАН, член Президентского совета; Е.М.Кожокин, директор Российского института стратегических исследований (РИСИ); В.И.Кривохижа, заместитель директора РИСИ; В.П.Лукин, председатель Комитета Государственной Думы по международным делам; В.Б.Луков, директор Управления внешнеполитического планирования МИД России; Н.В.Михайлов, заместитель секретаря Совета безопасности России; С.А.Мндоянц, генеральный директор ФРПР; В.А.Никонов, президент Фонда "Политика"; Б.М.Пичугин, д.э.н., профессор, Институт Европы РАН; А.К.Пушков, член Правления — директор по международным связям телекомпании ОПТ.

отношений. Окончательная экономическая и политическая переориентация стран ЦВЕ стала неминуемой, и не будь за ней стремления рвавших с социализмом государств дистанцироваться от СССР, тогда еще остававшегося его цитаделью. Между тем сам процесс увеличения доли промышленно развитых стран с рыночной экономикой в торговле государств региона и снижения доли Советского Союза обозначился еще в начале 80-х гг. С 1986 г. он принял характер стабильной и однонаправленной тенденции, которая стимулировалась и растущей внешней задолженностью западным кредиторам. Обострившаяся потребность в свободно конвертируемой валюте и для реализации проектов технологической модернизации, и для расплаты с займодавцами, стала мощным фактором, изменившим направление торговых потоков. Таким образом, в основе эрозии советского влияния в регионе было кардинальное изменение в соотношении сил и экономических потенциалов между СССР и западными державами, а случившемуся геополитическому переделу Европы предшествовал поистине "тектонический" геоэкономический сдвиг. В этом свете разговор о допущенных ошибках российской политики представляет академический интерес, но не должен порождать иллюзий: исторические по масштабу перемены происходят не по недосмотру или из-за просчетов.

1.2. Распад СССР и переход России к несоциалистическому развитию, казалось бы, стерли линию политико-идеологического размежевания со странами региона. В действительности это еще более ослабило ее позиции: соотношение удельных весов двух полюсов тяготения — западного и восточного — стало еще менее благоприятным для Москвы. Экономическая, политическая и военная сила объединяющейся Европы возросла, значимость России и дезинтегрирующегося постсоветского пространства стала еще меньше. Поскольку же и Россия взяла за ориентир общественный строй западноевропейского типа, то естественно общим центром притяжения европейских постсоциалистических государств становится Брюссель, а не Москва, которая издалека, с отставанием от соседей в ЦВЕ и с большими трудностями, начала движение к той же цели. В системе координат и приоритетов стран региона Запад и Восток как бы поменялись местами: ЕС и США предложено сыграть ту же роль, которую прежде исполнял СССР — взять на баланс и оплатить экономической помощью военно-политическую лояльность новых союзников в ЦВЕ.

Не случайно Россия, даже переставшая быть центром мирового коммунизма, многократно ослабленная и оставившая свои позиции в Центральной и Восточной Европе, во многих ее странах по старинке продолжает восприниматься и изображаться как пугало. Объясняется это не одной только приверженностью сложившемуся стереотипу. Без "русского медведя", какую бы кличку он не носил, геополитическая значимость региона снижается. Тогда для ЕС и США на первый план выступают чисто экономические основания экспансии в зону, которая вне геополитического контекста не пользуется репутацией наиболее привлекательной. Таким образом, подчеркнутая, а временами избыточная военно-политическая лояльность стран ЦВЕ Западу, — главный стратегический ресурс и основной "экспортный товар" региона в их взаимоотношениях, — требует демонстративного размежевания с Россией и навязывания ей роли альтернативного и конкурентного центра мощи, каковым в действительности она еще долго не сможет быть.

1.3. Провозглашенное "возвращение в Европу" — чрезмерно "романтическая" идеологема, сильно спрямляющая изгибы и рытвины реального пути, излишне преувеличивающая самооценку региона и переоценивающая как готовность ЕС к скорому принятию новых членов в "европейскую семью", так и его бескорыстие. Но при всем этом сделанный выбор отвечает национальным интересам стран региона и альтернативной стратегии для них просто не существует, хотя потребность в ее корректировке и рационализации налицо. И для ЕС движение на восток обойдется недешево и пройдет непросто. Но расширение общего рынка с 370 до 480 миллионов потребителей, ликвидация таможенных барьеров в большей части Европы даст новый толчок экономическому развитию континента, обеспечит его экономическую, политическую и военную целостность и усилит позиции Европейского Союза в мировой экономике и политике.

1.4. Формально среди претендентов на прием в ЕС 10 стран, подавших официальные заявки: Венгрия (1 апреля 1994 г.), Польша (8 апреля 1994 г.), Румыния (22 июня 1995 г.), Словакия (27 июня 1995 г.), Латвия (13 октября 1995 г.), Эстония (23 ноября 1995 г.),

Литва (11 декабря 1995 г.), Болгария (14 декабря 1995 г.), Чехия (23 января 1996 г.) и Словения (10 июня 1996 г.). Все они имеют соглашения об ассоциации с ЕС, из которых вступили в силу договора с Чехией, Словакией, Венгрией, Польшей, Румынией и Болгарией. Но и оставленные пока вне списка Албания, Хорватия и Македония не раз декларировали намерение войти в ЕС, и даже в СР Югославии подобная ориентация набирает силу. По уровню социально-экономического развития и степени рыночной трансформации их экономик, не говоря уже о политических режимах, среди стран — претендентов выделяются две группы — лидеров (Чехия, Польша, Венгрия, Словения и, возможно, Словакия) и отстающих. Однако даже для лидеров возможные сроки приема в ЕС не наступят ранее 2000 г., а реально можно предполагать еще более отдаленные даты. Расширение НАТО на восток, которое трактуется как процесс параллельный и взаимодополняющий увеличение ЕС, в действительности способно внести в него новые существенные коррективы.

1.5. Для руководителей стран Центральной и Восточной Европы естественно думать, что вступление в НАТО — важный шаг, приближающий прием в ЕС. Натовский сертификат как бы удостоверяет принадлежность к западному миру и дает новые гарантии иностранным инвесторам от внешнеполитических рисков. Вроде бы появляются дополнительные основания настаивать на праве поскорее "вернуться в Европу". Допинг тем более необходим, поскольку в ЕС прием восточноевропейских новичков видится словно мираж в пустыне: чем ближе и конкретней подходят к этой проблеме, тем отдаленнее ее практическое решение. Но членам НАТО Испании и Португалии, чей путь хотели бы повторить в Центральной и Восточной Европе, для вступления в ЕС потребовались семилетние переговоры, а Швеция, Австрия и Финляндия вошли в ЕС, оставаясь вне НАТО.

1.6. Факторы, сдерживающие готовность ЕС открыть двери на восток, общеизвестны. Необходима предварительная реформа системы институтов и процесса принятия решений. Даже если это условие будет выполнено, как предполагается в 1996-1997 гг., останутся трудно решаемые финансовые проблемы. Сегодня помощь отстающим регионам, оказываемая через "структурные фонды", и общая сельскохозяйственная политика поглощают 79,6% бюджета ЕС, к 1999 г. их доля возрастет до 81,4%. Лишь в 1999 г. финансовые ресурсы структурных фондов должны составить около 30 млрд. ЭКЮ (39 млрд. долл.). При приеме новых членов пришлось бы траты по этой статье бюджета увеличить еще на 38 млрд. ЭКЮ (49,4 млрд. долл. ежегодно). Распространение на страны ЦВЕ общей сельскохозяйственной политики увеличило бы ежегодные расходы не менее чем на 9-12 млрд. ЭКЮ. Без радикального пересмотра принципов и норм отчислений на эти две важнейшие расходные статьи расширение Союза приведет к росту общего бюджета на 25-100% и является неприемлемо дорогостоящим. Между тем в сокращении помощи не заинтересованы ее основные получатели: Португалия, Греция, Испания, Италия и Ирландия, в наращивании — главные доноры: Германия, Нидерланды, Великобритания.

1.7. Вопрос о приеме государств Центральной и Восточной Европы в ЕС неизменно упирается в калькуляции его возможных расходов. Но за цифрами скрывается принципиально различный подход к условиям, целям и срокам расширения ЕС. Для претендентов вступление в ЕС — средство скорейшего достижения среднеевропейского уровня развитости, для членов Союза подобный уровень — неформальная, но обязательная предпосылка приема новых членов. Но даже Чехии, чей валовой внутренний продукт на душу населения составлял в 1995 г. около 50% от среднеевропейского, потребовалось бы ежегодно на протяжении десяти лет поддерживать 6%-ные темпы роста ВВП (что мало реально), чтобы к 2005 г. достичь относительно приемлемого показателя — около 74% от среднего уровня ЕС. Совсем не случайно появляются идеи переходного периода в 10 и более лет для стран Центральной и Восточной Европы или временного ограничения прав новых членов в области региональной и сельскохозяйственной политики, передвижения рабочей силы и действия социальной хартии.

1.8. В подобном контексте расширение НАТО выглядит менее затратным мероприятием. Однако по прогнозам бюджетного управления конгресса США, чтобы к 2010 г. подвести под "оборонный зонтик" НАТО четыре страны: Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию, — необходимо 60,6 млрд. долл. А совершенствование военной

инфраструктуры потребует еще 64 млрд. долл. США, не устающие напоминать, что в НАТО не может быть "потребителей безопасности", вряд ли согласятся с ролью главного спонсора. Каждый кандидат также должен выложить не менее 1,5-2 млрд. долл. ежегодно. Однако в 1995 г. весь оборонный бюджет Польши составил 2,6 млрд. долл., Чехии — 1,025 млрд. долл., Венгрии — 641 млн. долл. При этом Чехии, по предварительным оценкам, для самостоятельного переоснащения вооруженных сил по натовским стандартам потребовалось бы в течении 12 лет тратить на эти цели 80% оборонного бюджета. Между тем в 1995 г. в Чехии на закупку вооружений и военной техники расходовалось только 14% оборонного бюджета, а на инфраструктуру — 4%. Сходная ситуация и в других странах региона.

Вывод очевиден: значительные затраты по расширению НАТО придется нести тем странам Западной Европы, где ломают голову над проблемой — как уменьшить собственные расходы при увеличении Европейского Союза. Одновременно финансировать оба эти процесса они тем более заведомо не готовы. Для стран ЦВЕ сколько-нибудь существенное увеличение военных расходов обернется потерей темпов экономического роста — единственной надежды в обозримые сроки достичь уровня развития, приемлемого для ЕС. И если государства региона все же получают возжеленное место в НАТО, оно будет не более, чем утешительным призом за длительную отсрочку в приближении к заветной цели — статусу полноправных членов ЕС. Именно желанием найти паллиатив подобным устремлениям восточноевропейцев и уравновесить усилением военно-политического присутствия в регионе задержку с его экономико-политической интеграцией в Европу во многом объясняется форсирование продвижения НАТО на восток. Расширение ЕС и НАТО оказываются не параллельными и взаимоускоряющими процессами, а альтернативными и замедляющими друг друга.

1.9. Определенная психологическая компенсация за затягивающееся ожидание в приемной ЕС даст уважительный повод отклонять не в меру настоятельные домогательства полноправного членства в Европейском Союзе. Рост финансовых обязательств "старых" и новых членов НАТО позволит откладывать расширение ЕС на все более отдаленные сроки. Вероятно, финансовые аспекты увеличения НАТО будут преднамеренно затушеваны, а вопрос модернизации вооруженных сил новых членов блока по натовским стандартам объявлен неактуальным. Увязка же экспансии НАТО с затягиванием приема в ЕС новых членов из ЦВЕ может сделать ее более приемлемой для тех западноевропейских государств, где малый энтузиазм по поводу планов НАТО сочетается с незаинтересованностью в быстром увеличении ЕС.

Между тем США и НАТО в целом уже слишком "завязли" в кампании по расширению, чтобы отступить от декларированных замыслов и данных обещаний без огромного урона для собственного авторитета. Государства Центральной и Восточной Европы экономически слишком зависимы от Запада, чтобы позволить себе сколько-нибудь действенную оппозицию, даже если бы такое намерение обнаружилось. Но если ситуация в России — ее пугающее военное усиление или провоцирующее ослабление — не придаст дополнительных импульсов этим процессам, их противоречивость будет все больше давать о себе знать, тормозя полномасштабную реализацию поставленных целей и осложняя отношения между их участниками. По-видимому, прием в ЕС новых членов будет переведен в режим затяжных переговоров и разделен на ряд переходных фаз, на каждой из которых претендентам будут предоставляться по частям элементы полного статуса. Расширение НАТО в политическом смысле будет намного обгонять реализацию его собственно военных аспектов. Таким образом "присоединяемые" территории НАТО и ЕС придется долго и мучительно "осваивать", что дает России желательную временную паузу и определенные, хотя и сужающиеся возможности минимизации ущерба от этих процессов для собственных интересов.

1.10. В любом случае перед претендентами на вступление в ЕС вырисовывается перспектива значительной задержки в исполнении их желаний, хотя и различной для разных стран. Причем и у отстающих в приближении к цели, и у преуспевающих объективно возникает все более усиливающаяся потребность в возвращении на российский рынок. Косвенным подтверждением этого является гораздо больший дефицит торгового баланса стран ЦВЕ с ЕС, нежели с Россией. Во взаимоотношениях со странами ЕС торговый дефицит усугубляется большой внешней задолженностью им же, хотя и компенсируется притоком иностранных инвестиций. Погашение российского долга

государствам ЦВЕ способствует выравниванию платежного баланса. Тем самым у России появляется шанс некоторого укрепления своих позиций в регионе. Но одновременно встает вопрос: каким образом и в каких целях этот шанс использовать?

2. СТРАНЫ ЦВЕ: ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

2.1. Традиционное географическое и историко-культурное деление региона на центрально-европейскую и балканскую части сегодня наполнилось новым содержанием. Два субрегиона отличаются не только уровнем социально-экономического развития, но и степенью продвижения на пути к рыночной экономике и упрочению демократического правопорядка. Признанием этого стал прием Венгрии (7 мая 1995 г.), Чехии (21 декабря 1995 г.) и Польши (22 ноября 1996 г.) в Организацию экономического сотрудничества и развития.

Центральная Европа отлична от Балкан не только по внутренним, но и по внешнеполитическим характеристикам: относительная, хотя и не свободная от соперничества экономико-политическая консолидация центрально-европейских стран, сначала в рамках "Вишеградской группы" (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), а затем в форме Центральноевропейской зоны свободной торговли (ЦЕФТА), к которой в 1996 г. присоединилась Словения, контрастирует с разобщенностью балканских государств. Они после югославского кризиса делают лишь первые попытки наладить взаимное сотрудничество.

2.2. Нетождественно и отношение ЕС и НАТО к двум группам стран, хотя все они (за временным исключением СРЮ) поставили своей целью вступление в западные экономические, политические и военные структуры. При определении своих предпочтений в НАТО руководствуются стратегическими интересами блока и геополитическими соображениями: первенство отдается Польше — самой крупной стране региона, и другим сопредельным с альянсом государствам "Вишеградской группы", обладающим развитым промышленным и оборонным потенциалом. ЕС исходит из уровня экономического развития кандидатов, сравнительно со среднеевропейским, степени их рыночной трансформации и меры собственной заинтересованности в рынках тех или иных стран. Степень внимания ЕС к отдельным странам очень точно соответствует их месту в товарообороте с регионом. Так, в 1995 г. в экспорте ЕС (12 стран) в ЦВЕ на Польшу приходилось 27,4%, на Чехию — 20,5%, на Венгрию — 13,7%, на Словению — 8,9%, тогда как на долю Румынии — 7,2%, Хорватии — 6,2%, Словакии — 5,5%, Болгарии — 3,8%. Примерно такие же места занимали они и в импорте ЕС из ЦВЕ: Польша — 26,6%, Чехия — 18,8%, Венгрия — 15,6%, Словения — 9,1%, Румыния — 7,8%, Словакия — 6,3%, Хорватия — 4,2%, Болгария — 4,2%. Не удивительно, что на долю Германии — наиболее активного сторонника расширения ЕС на восток, — приходилось в 1995 г. 50,2% экспорта Европейского Союза в регион и 54,2% импорта. Неявно сказывается и наследственная линия цивилизационного размежевания между Центральной Европой — зоной традиционного доминирования католицизма и сильного влияния немецкой культуры — и Балканами — сферой преобладания православия, и местами ислама, с соответствующими историко-культурными ориентациями. Однако в целом подход достаточно прагматичен: более развитой Центральной Европе отдается приоритет перед менее преуспевшей в социально-экономическом развитии и рыночной трансформации юго-восточной частью континента.

2.3. Перед выбором оказывается и Россия. Центральная Европа обладает большим экономическим потенциалом и перспективами и более значима как зона транзита в торговле России с ЕС — одним из ее ведущих партнеров. Заблаговременное проникновение на рынки первоочередных кандидатов в ЕС укрепляет российские позиции на европейском экономическом пространстве. Но конкуренция здесь выше, многие ниши для проникновения уже заняты, а политическая предрасположенность к связям с Россией (за исключением Словакии) значительно меньше. Балканы менее освоены ЕС экономически, рынок не столь требователен, а политический климат для России в Болгарии и СРЮ более благоприятен. Однако экспансия в самую бедную часть континента с малоемкими рынками, при затрудненных после распада СССР

коммуникациях, сама по себе не сулит больших выгод. Не случайно в товарообороте России со странами дальнего зарубежья в 1995 г. на долю Польши приходилось 3,4%, Венгрии — 2,7%, Чехии — 2,4%, Словакии — 2,1%, в то время как на долю Болгарии — 1,4%, Румынии — 0,9%, Македонии — 0,1%, Хорватии — 0,2%. Но, проблема транспортировки каспийской нефти, связанная с жизненно важными интересами России в ее ближнем зарубежье, как и перспективные проекты экспорта газа, придают новое измерение и балканскому направлению в ее внешнеэкономических и политических связях.

2.4. Определенные нюансы заметны и во внешнеполитической ориентации стран двух субрегионов. В Центральной Европе последовательно НАТО-центричная направленность внешней политики остается стабильной при всех переменах на политической сцене и сменах правых и левых кабинетов. Отличие во внешнеполитических подходах между правыми и левыми в Польше, Венгрии, Чехии лишь в одном. Правые более подвержены традиционалистскому предрассудку, что национальным интересам более всего отвечает слабая Россия и дезинтегрированное постсоветское пространство, а связи с Россией склонны рассматривать в контексте экономической безопасности. Левые более прагматичны и готовы сочетать про-НАТОвскую политику с поддержанием активных экономических отношений с Россией. Подобный прагматизм еще в большей мере характерен для Словакии, дающей понять, что озабоченности России должны быть приняты во внимание.

В Болгарии и СР Югославии различия во внешнеполитических акцентах правых и левых более выражены, а крайне правые не менее привержены традиционному русофильству, чем ультралевые. В целом же для левых связи с Россией более органичны, чем про-НАТОвская ориентация, правым же свойственно отводить первое место связям с НАТО и ЕС. Однако именно родословная сдерживает левых от практических шагов, которые могли бы быть представлены как недостаточная приверженность европейским ориентирам. Сказывается и надежда попасть во "вторую волну" приема в НАТО и ЕС, укрепляющая "атлантическую дисциплину" среди претендентов. Близится к завершению и "левая фаза" в политическом развитии стран Юго-Восточной Европы. Поэтому было бы недальновидно внешнеполитические наклонности левых сил региона рассматривать как значимый ресурс российской дипломатии.

2.5. Прозападная ориентация и определенный антироссийский настрой исторически наиболее сильны в Польше, Венгрии, Чехии, Румынии — странах, имеющих сложный опыт взаимоотношений либо с Российской империей, либо с Советским Союзом. Уже в Словакии 1968 год — время обретения равного с Чехией статуса и переустройства государства на федеративных началах, — воспринимается иначе, чем в Чехии, где эта дата памятна советской интервенцией и удушением "пражской весны". Для Болгарии, Сербии и Черногории, обязанных России своей независимостью и связанных с ней общим цивилизационным наследием, естественно отсутствие тех историко-культурных преград в общении с Россией, которые ощущаются в Центральной Европе. Между тем в отношении общества к ЕС и НАТО обнаружился гораздо больший плюрализм, нежели среди политической элиты. При этом динамика общественных настроений определяется не столько наследственными предпочтениями, сколько расхождением между идеализированными первоначальными ожиданиями и реальностью. Так, согласно ежегодно проводимым опросам "Евробарометра", позитивное отношение к ЕС, достигавшее пиковых величин в начале 90-х годов (79% в Албании, 51% в Болгарии и Венгрии, 49% в Чехии и Польше, 52% в Румынии, 43% в Словакии) к концу 1995 г. снизилось (за исключением Румынии, Албании и Польши) до 27% в Болгарии, 26% в Чехии, 30% в Венгрии, 31% в Словакии. И хотя число негативных ответов незначительно, доля нейтральных оценок сравнялась или даже превысила процент позитивных. Уточняющие опросы подтвердили, что вступление в ЕС, хотя и имеет наибольшее число сторонников, нежели иные варианты, но не пользуется однозначной и консолидированной поддержкой большинства даже в Чехии, Венгрии и Польше. Данные 1995 г. показывают, что сильная, хотя и не доминирующая оппозиция присоединению к НАТО налицо не только в Болгарии (48% против), но даже в Венгрии и Чехии (41%) и Словакии (37%) (9). Однако раздел Чехословакии и СССР был произведен вопреки мнению большинства населения, темпы и характер постсоциалистических реформ также

определялись без учета общественных настроений. Тем меньше оснований ожидать иного подхода при решении вопроса о вступлении в ЕС и НАТО.

2.6. Правомерно предположение: сегодняшнее состояние и перспективы взаимосвязей с ЕС и НАТО, являются более значимым политическим фактором, определяющим специфику отношений стран региона с Россией, нежели общественные настроения, историко-культурные предрасположенности или цивилизационное родство. Логично, что последовательный НАТО- и европоцентризм демонстрируют государства, считающиеся первоочередными кандидатами на прием в ЕС и НАТО. Но уже для Словакии, расцениваемой западными партнерами как менее перспективный кандидат и по уровню социально-экономического развития, и из-за авторитарных наклонностей ее харизматического лидера В.Мечьяра, политический "флирт" с Россией небезвыгоден, а экономические связи жизненно важны.

Необходимость заполнить длительную временную паузу, отделяющую от присоединения к манящей Европе, объективно существует и у других пасынков европейской интеграции. Первостепенная задача Болгарии — дожить до осуществления довольно отдаленной европейской мечты. В СРЮ также не могут не понимать, что до окончательного урегулирования боснийской проблемы, которая еще долго будет оставаться полурешенной, и нормализации положения в Косово, движение в сторону ЕС и НАТО не скоро встретит взаимность. К тому же их роль в разрешении югославского кризиса породила в стране сильное предубеждение против западных экономических, политических и военных структур. Да и актуальные и потенциальные угрозы национальной безопасности — в первую очередь от ближайших соседей по субрегиону — на Балканах видятся иначе, чем в Центральной Европе, где подобные опасения в целом преодолены.

Присутствие России на Балканах традиционно считалось необходимым элементом балканского уравнения и потребность во вне-НАТОВской дополнительной военно-политической поддержке сохраняется не только у Болгарии и Югославии, но и у входящей в НАТО и ЕС Греции. Однако способность России отвечать на этот запрос, после продемонстрированной в Чечне беспомощности, будет вызывать большие сомнения. Впрочем, и в лучшем случае российский фактор заинтересованным странам субрегиона необходим в качестве разновеса в политико-силовом балансе и разменной монеты на дипломатических торгах. Красноречивый пример — политика руководства СРЮ, которое, оказавшись в международной изоляции, активно старалось использовать Россию в своих целях в разгар югославского кризиса, а о его завершении предпочло договариваться при американском посредничестве. Поскольку ни реабилитация в глазах мирового сообщества, ни возвращение в мировую экономику и политику, ни восстановление разоренного войной и санкциями хозяйства без западных держав невозможно, то европоцентристские мотивы в югославской политике будут усиливаться. Точно также традиционная боязнь Болгарии оказаться в одиночестве среди соседей, которая трижды (в 1913, в 1918 и в 1945 гг.) приводила страну к поражению, будет побуждать ее не оставаться в стороне от общего устремления в Европу. Приход к власти оппозиции в обеих странах может стать дополнительным стимулом подобных тенденций.

2.7. На наибольшее политическое взаимопонимание в регионе, имеющее к тому же ограниченные практические последствия, Россия может рассчитывать там, где европейские ориентиры в обозримой перспективе мало достижимы, и именно в меру их недостижимости. Это расширяет поле внешнеполитического маневра российской дипломатии, но было бы опасной иллюзией строить собственную стратегию на не более чем тактических расчетах партнеров. Проявлением подобной иллюзорности является и концепция "православно-славянского союза", бытующая среди части российских политиков, и оторванное от реальности политически контрпродуктивное заявление российского президента о возможности вступления Болгарии в СНГ.

Заинтересованность в российском рынке можно считать почти повсеместной. Однако и она является во многом производной от степени интенсивности взаимосвязей отдельных стран ЦВЕ с ЕС. Причем отмеченная зависимость проявляет себя двояким образом: для заведомых аутсайдеров поддержание и наращивание торговли с Россией критически важно на достаточно длительный период, для вырвавшихся вперед в укреплении связей с ЕС стран Центральной Европы именно их интенсификация, приносящая не только

очевидные выгоды, но и наглядно демонстрирующая неготовность к интеграции многих секторов национальной экономики, становится главным стимулом к повторному возвращению на восточные рынки. Тем самым укрепление экономических позиций России в регионе способно не только обострить соперничество с ЕС, но и открывает новые возможности для обоюдновыгодного взаимодействия с ним, позволяя смягчать сложности адаптации стран ЦВЕ к интеграционным процессам. При этом перед Россией возникает теоретически значимая дилемма: отдать ли предпочтение сотрудничеству с наиболее к нему предрасположенными и одновременно наименее конкурентоспособными экономиками и отраслями, или же целью внешнеэкономической стратегии в регионе сделать прорыв на наиболее развитые рынки и в модернизированные сектора — задача более трудная, но и более перспективная. При кажущейся очевидности выбора — ставка на сильных партнеров сулит больше, чем на слабых, а взаимная консервация отсталости стратегически проигрышна, ответ не однозначен. Практически он определится состоянием самой российской экономики и скоростью ее выздоровления.

2.8. В ЦВЕ положительные симптомы, указывающие на выход из глубокого спада рубежа 80-90 гг., уже обнаружались. Свидетельство тому рост валового внутреннего продукта почти во всех странах региона. Однако многое заставляет проявлять осторожность при оценке проявившейся положительной динамики. Анализ факторов экономического роста свидетельствует о его пока недостаточно надежной основе. Некоторое оживление капиталовложений в ряде стран еще не повлияло заметно на состояние основных производственных фондов, их объемы и технико-технологические характеристики. Зачастую источниками роста капиталовложений стали иностранные кредиты, нарастание объемов которых увеличивает иностранную задолженность. Уже в 1994 г. начало сказываться исчерпание возможностей экстенсивного развития частного сектора, базировавшемся на его низкой капиталоемкости, позволявшей легко начать дело и перемещать бизнес из одной сферы в другую.

Стимулирующий экономический рост экспорт требует значительных государственных субсидий, восстановления подорванной за первые годы преобразований экспортной базы производства, зависит от конъюнктуры на мировых рынках. Отсюда его неустойчивость и дисбаланс товарооборота с наиболее важными партнерами — развитыми странами Запада и с Россией. Переориентация связей на западные рынки и стремление к интеграции с ЕС способствовало усилению этих тенденций. В 1991-1995 гг. экспорт стран ЕС в ЦВЕ вырос на 178%, в то время как импорт увеличился всего на 157%. Дефицит торгового баланса стран ЦВЕ с ЕС за эти годы вырос с 1,5 до 7,6 млрд. экю (ок. 9,9 млрд. долл.). Суммарный внешний долг стран ЦВЕ, даже после списания его половины у Польши и Болгарии, составил в 1995 г. 122,5 млрд. долл., 70% которого приходится на Венгрию и Польшу, страны с наиболее открывшейся экономикой.

При заметных успехах в борьбе с инфляцией, снижение ее уровня остается актуальной задачей. Неоднозначны и результаты приватизации. Так, к середине 1995 г. на частный сектор в Чехии приходилось 70% ВВП, в Польше, Словакии, Венгрии и Албании — 60%, в Болгарии и Хорватии — 45%, в Македонии — 40%. Между тем статистика, за исключением Венгрии, засчитывает в число приватизированных коммерциализированные предприятия, превращенные в акционерные общества, но остающиеся в полной или преобладающей государственной собственности. "Узким местом" в трансформирующейся экономике даже у стран-лидеров остается банковский сектор и финансовые рынки.

Выход стран региона из начальной, наиболее острой стадии трансформационного кризиса еще не говорит о стабильных перспективах долговременного экономического роста. А именно это является необходимой предпосылкой достижения средневропейского уровня развития, без которого прием в ЕС нереален. Правомерен вывод: переходное и неравновесное состояние экономики стран ЦВЕ по крайней мере в краткосрочной перспективе сохранится. Это в свою очередь будет побуждать к поиску дополнительных внешних резервов и выправлению односторонних перекосов в избранной внешнеэкономической стратегии, что объективно повышает значимость России как партнера. Однако ситуация, при которой потенциальный рост ее удельного веса в регионе оказывается функцией незавершенной или непреодоленной переходности и произведен от проблем во взаимоотношениях стран ЦВЕ с ЕС, свидетельствует: сами открывающиеся для России возможности довольно ограничены, и позиции, которые могут

быть отвоеваны, недостаточно стабильны. Упрочить их можно лишь в контексте трехстороннего взаимодействия России, ЕС и стран региона, при котором "возвращение в Европу" и развитие отношений с Россией были бы не альтернативными, а взаимодополняющими стратегиями.

3. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЦВЕ С ЕС И РОССИЕЙ: РЕАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

3.1. Принципиальную новизну ситуации, сложившейся к настоящему времени в треугольнике ЦВЕ — ЕС — Россия, и необратимое по сути изменение их роли, лучше всего иллюстрируют цифры. Товарооборот ЕС (12 стран) со странами ЦВЕ в 1995 г. равнялся 90,98 млрд. ЭКЮ (около 118,2 млрд. долл.), что составляет 65,6% их торговли. В целом на промышленно развитые страны с рыночной экономикой пришлось 70,6% их товарооборота. Товарооборот ЕС (12 стран) с Россией — 33,4 млрд. ЭКЮ (около 43,5 млрд. долл.), или 35,5% ее торговли. На долю промышленно развитых стран пришлось примерно 63,4% ее товарооборота с дальним зарубежьем (61,5 млрд. долл.). В то же время товарооборот России со странами ЦВЕ составил 13,5 млрд. долл. (13,7% ее торговли с дальним зарубежьем). ЕС и промышленно развитые страны в целом стали и для России, и для стран региона гораздо более значимыми партнерами, чем они друг для друга.

3.2. За прошедшие годы Россия утратила позиции, которые занимал в регионе СССР. В 1995 г. на долю России приходилось 24% внешней торговли Болгарии (60% в 1989 г.), 9,4% Венгрии (25%), 11,8% Словакии, 6,4% Чехии (40% в бывшей Чехословакии), 9% Румынии (26,6%), 6% Польши (25%). Россия, однако, занимая первое-второе место в импорте стран ЦВЕ, продолжает сохранять свое значение как поставщик нефтегазового топлива, а также отдельных видов сырья и материалов (черные металлы, древесина, синтетический каучук и др.). В последние годы РФ удовлетворяет импортные потребности региона в газе — на 93-95%, в нефти — более чем на 50%.

3.3. Соответственно и Центральная и Восточная Европа перестала быть для России приоритетным регионом внешнеэкономической деятельности. По итогам 1995 г. Польша занимала 10-е место в торговле РФ, Венгрия — 11-е, Чехия — 15-е, Словакия — 17-е, Болгария — 22-е, Румыния — 27-е место (государства бывшей СФРЮ были в 4-ом, 5-ом десятке или за пределами первой сотни, как и Албания). Однако страны региона остаются для России важными рынками сбыта: в них реализуется 34% объема экспорта газа, поставляемого в дальнее зарубежье, 26% экспорта нефти, свыше 20% угля. Значение ЦВЕ как транзитного пространства для России возрастает параллельно росту удельного веса ЕС в российской торговле.

3.4. Структура взаимного обмена России с ЕС, сама по себе крайне неудовлетворительная, все же более для нее выгодна, чем в отношениях со странами ЦВЕ. При этом в 1991-1995 гг. в первом случае наблюдалась позитивная динамика, во втором — негативная. В торговле России со странами ЦВЕ обращает на себя внимание деградация структуры российского экспорта — углубление его топливно-сырьевого характера. Удельный вес группы топливных товаров в экспорте в 1995 г. составил более 71%. Доля нефти и газа превышала 67%, в то время как в вывозе в страны дальнего зарубежья на долю этих двух товаров приходилось 31%. По объему экспорта газа (42 млрд. куб. м) Россия приблизилась к его поставкам в докризисном 1989 г. (44,6 млрд. куб. м). Российские поставки нефти в Центральную и Восточную Европу в 1995 г. составили примерно 36 млн. т (без государств бывшей СФРЮ). Невосполнимые российские топливно-энергетические ресурсы обмениваются главным образом на продовольствие, химические товары, машиностроительную продукцию стран ЦВЕ. Прежние оценки невыгоды для России подобной структуры товарооборота — обмен "твердвалютных" энергоносителей на "мягковалютные" изделия — с переходом к расчетам в свободно конвертируемой валюте утратили актуальность, но пониженная конкурентоспособность многих товаров, импортируемых из региона, остается объективным фактором, ограничивающим российскую заинтересованность в расширении взаимной торговли при сохранении ее нынешней структуры.

3.5. Россия по существу утратила традиционные рынки сбыта машинотехнической продукции в ЦВЕ. Ее доля в экспорте РФ в страны региона в 1992-1994 гг. не превышала 7,5% (18-20% в 80-е годы). В 1995 г. она возросла до 8,3% (7,3% в 1994 г.). Но рост экспорта машинотехнических изделий в 1995 г. (на 57%, без государств бывшей СФРЮ) во многом обусловлен погашением российского долга поставками военной техники Словакии и Венгрии и потому не определяет долгосрочной тенденции. Учитывая общеизвестную отсталость российского гражданского машиностроения, переориентация на западных поставщиков машин и оборудования для стран региона столь же рациональна, как и для России. Заинтересованность в запчастях и комплектующих к российской военной технике будет сохраняться до тех пор, пока она находится на вооружении стран ЦВЕ. Возможности ее поставок останутся до окончательного погашения российского долга. Однако в перспективе НАТО-центричная ориентация большинства государств региона и их ограниченные оборонные расходы (как актуальные, так и потенциальные) по существу закрывают этот рынок для российского оружия. Ситуацию мог бы отчасти улучшить переход к совместному или самостоятельному производству оружия по натовским стандартам. Но и в этом случае российский оружейный экспорт в регион без долгосрочных государственных кредитов покупателю будет неконкурентоспособен.

3.6. Существенное увеличение доли промышленно развитых стран с рыночной экономикой в 1991-1995 гг. как в торговле государствами ЦВЕ, ТПК и России, при параллельном снижении значимости их взаимосвязей, побуждает в новом свете взглянуть на характер произошедших сдвигов. Заметную роль в этих переменах играло резкое увеличение товарооборота с ЕС, происходившее одновременно, хотя и с разной скоростью, как у стран ЦВЕ, так и у России. Для государств региона в этот период среднегодовые темпы прироста экспорта в ЕС (12 стран) составили 21%, импорта — 25%, для России соответственно 6,2% и 6,3%. Несмотря на кризис и спад производства, дополнительными факторами которого стало сокращение взаимной торговли на пространстве бывшего СЭВ, разрыв традиционных кооперационных и производственных связей, совокупный экспорт стран ЦВЕ в эти годы вырос с 56 до 79,9 млрд. долл., России — с 47,3 до 64,3 млрд. долл. Все это позволяет сделать два вывода. Рост торговли и стран ЦВЕ, и России с ЕС и промышленно развитой частью мировой экономики в целом не мог быть достигнут без смены партнеров и изменения географии торговых потоков. Сформировавшаяся в результате новая структура геоэкономических связей, в том числе в треугольнике Россия—ЦВЕ—ЕС, более, чем прежняя, отвечает как интересам российской экономики, так и ее региональных партнеров. В ней возможны и желательны подвижки, но нереальны и нецелесообразны кардинальные изменения.

3.7. Подобные подвижки наметились в последнее время. В 1995 г. впервые за последние пять лет была сломлена тенденция к сокращению товарооборота и доли стран ЦВЕ во внешней торговле России. Ее товарооборот с регионом (без учета неорганизованной торговли) резко возрос — на 32,1% (по сравнению с 1,3% в 1994 г.) и составил 13,5 млрд. долл., в том числе экспорт 9,4, импорт 4,1 млрд. долл. Доля стран ЦВЕ в общем объеме торговли России со странами дальнего зарубежья повысилась до 13,7% (12,6% в 1994 г.).

Урегулирован порядок погашения внешней задолженности СССР и России бывшим партнерам по СЭВ (немногим более 7 млрд. долл. на начало 1993 г.), сдерживавшей развитие торговли.

3.8. В 1991-1995 гг. Россия имела ежегодное положительное сальдо торгового баланса со странами региона, составлявшее соответственно 2,0; 3,3; 4,8; 3,6, 5,3 млрд. долл. Неконкурентоспособность многих видов промышленной продукции партнеров из ЦВЕ, нехватка свободно конвертируемой валюты у российской стороны и невыгодные условия расчетов (100% предоплата) являются основными причинами расходования долларов, получаемых в регионе, в третьих странах. Однако сальдо платежного баланса России со странами ЦВЕ значительно меньше, так как часть торгового актива идет на оплату транзита газа в Западную Европу и погашение внешней задолженности. Поэтому поддержание асимметричного в пользу России сальдо торгового баланса, которое само по себе сдерживает рост товарооборота, является для России не просто выгодной, но отчасти неизбежной характеристикой ее торговли с государствами ЦВЕ.

3.9. Коренные перемены произошли в торговом режиме стран региона на западном и восточном направлении. Во времена СЭВа Советский Союз имел привилегированные отношения со странами ЦВЕ, а от мирового рынка регион был отгорожен системой расчетов в переводных рублях, общими принципами ценообразования и рядом других барьеров. В 90-е годы сложилась ситуация, которая во многом выглядит как зеркальное отражение прежнего порядка. Отношения России со странами ЦВЕ развиваются исключительно на двусторонней основе, в то время как ЕС выступает по отношению к ним с общей стратегией и пытается стимулировать интеграционные процессы в самом регионе. Россия не имеет со странами ЦВЕ договоренностей о взаимных таможенных преференциях, которые ими достигнуты с большинством западных партнеров и со многими соседями. Восточноевропейский рынок все более открывается для ЕС и замыкается по отношению к России.

Соглашениями об ассоциации стран ЦВЕ с ЕС предусматривается поэтапное (в течение 10 лет) формирование зон свободной торговли промышленными товарами, снижение пошлин и увеличение контингентов на импорт сельскохозяйственных продуктов, введение свободного режима перемещения услуг, капиталов и рабочей силы. Первоначально восточноевропейским партнерам были сделаны асимметричные таможенные уступки. В 1995-1996 гг. началось снижение таможенных ставок на импорт из ЕС. Складываются благоприятные условия для еще большего продвижения западноевропейских партнеров на рынки стран ЦВЕ, хотя и до этого темпы увеличения импорта из ЕС в страны ЦВЕ почти вдвое превышали темпы роста их экспорта в ЕС. Наплыв западного импорта резко ухудшит положение национальных производителей в государствах региона. Закономерным следствием станет превращение ЦВЕ в зону особо острой конкуренции, что еще больше затруднит российский экспорт (за исключением топлива и сырья). В то же время усилится стремление партнеров из региона к наращиванию своего экспорта на российский рынок.

3.10. Договор о свободной торговле в Центральной Европе (CEFTA), подписан и государствами "Вишеградской группы" (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) 21 декабря 1992 г. и вступил в силу с 1 марта 1993 г. Первоначально предусматривалось поэтапное и симметричное снижение таможенных пошлин во взаимной торговле до 2001 г. 60% товаров освобождались от таможенных сборов почти сразу, а 4 февраля 1994 г. было принято решение об ускорении движения к конечной цели с тем, чтобы к 1 января 1998 г. уже 95% взаимного товарооборота осуществлялось в режиме свободной торговли. Хотя непосредственный экономический эффект создания ЦЕФТА пока весьма относителен: доля взаимной торговли четырех стран в их совокупном товарообороте даже сократилась с 15,2% в 1993 г. до 13,9% в 1995 г., ЦЕФТА продолжает оставаться привлекательной для соседей. С 1 января 1996 г. в эту группу принята Словения, ранее заключившая двусторонние соглашения о свободной торговле со всеми ее членами. По тому же пути идут Болгария и Румыния. С 1 января 1997 г. вступает в силу договор о свободной торговле между Польшей и Литвой. Для России, остающейся вне ЦЕФТА, — это еще одна преграда в торговле с регионом.

3.11. Вопреки программной ориентации на свободное перемещение товаров, капиталов и услуг в соответствии с нормами ГАТТ/ВТО и соглашениями с ЕС, ЕАСТ и ЦЕФТА, а отчасти именно вследствие поспешной либерализации торгового режима, в большинстве стран региона обнаружились протекционистские наклонности. Подобные тенденции на участниках соглашений сказываются лишь ограниченно. Однако стоящая вне их Россия оказывается под ударом защитных мер государств ЦВЕ. Пока отсутствие преференциального режима со странами ЦВЕ мало влияет на конкурентоспособность российского экспорта: его структуроопределяющей статьей остаются топливно-сырьевые товары, на которые распространяются минимальные таможенные ставки. Однако это консервирует неблагоприятную товарную структуру российского экспорта, что особенно отрицательно скажется на его развитии с началом в России экономического роста. Стратегически Россия заинтересована в недискриминационном торговом режиме и вхождении в формирующиеся зоны свободной торговли (предварительная договоренность об этом достигнута со Словакией). Но при необдуманном форсировании этого процесса, эффект для российской торговли со странами региона был бы асимметричным. Прямые и непосредственные выгоды сразу же получают партнеры России, обретая возможность резко увеличить свой экспорт, тогда как ее выигрыш скажется лишь в перспективе.

3.12. Дополнительно и еще более красочно, чем в торговле, соотношение величин во влиянии на регион демонстрирует география и интенсивность финансовых потоков. В 1991 — 1995 гг. чистый приток иностранных средств в ЦВЕ (прямые и портфельные инвестиции, кредиты и займы), в котором доля России пренебрежимо мала, увеличился с 4,1 до 31,2 млрд. долл. (в 7,5 раз). Прямые иностранные инвестиции возросли с 3,4 до 23,1 млрд. долл. Иностранный капитал играет наиболее значительную роль в экономике Венгрии, Польши и Чехии. Основная часть иностранных инвестиций поступает из стран Западной Европы, на которые приходится около 2/3 их общего объема, а также США. Доля инвестиций из России не превышает 1%. Вместе с тем доля ЕС в иностранных вложениях в российскую экономику составила в 1995 г. 32,7%. И хотя опасения государств ЦВЕ, видевших в России конкурента за иностранные инвестиции, пока не оправдались (5,1 млрд. долл. в 1991 — 1995 гг.), в этой области они остаются соперниками.

3.13. По мнению экспертов престижного английского агентства The Economist Intelligence Unit, в 1996-2000 г. в страны ЦВЕ будет вложено 62,6 млрд. долл. (в 2,3 раза больше, чем в прошлом пятилетии). Наиболее крупный приток инвестиций ожидает Польшу (22 млрд. долл.), Чехию (15) и Венгрию (13). Прогноз является оптимистическим, но реальным, поскольку в 1994-1995 гг. произошел перелом в настроениях иностранных инвесторов. Об этом говорит и резкое возрастание объемов инвестиций, и изменения в их отраслевой структуре — от традиционных отраслей к более современным, и активизация японского и южнокорейского капитала, явно рассчитанная на опережающее проникновение на рынки, которые в ожидаемом будущем станут частью экономического пространства ЕС. Частный капитал уверовал в близость подобной перспективы, что само по себе становится ее сильным стимулом. Россия многие возможности уже упустила, в том числе в весьма важном для нее топливно-энергетическом секторе. Но "инвестиционный голод" ее собственной экономики и несоизмеримый с ресурсами конкурентов объем предлагаемого капитала объективно предрешали подобный исход. Поскольку предназначение немалой части вложений — последующая экспансия в восточном направлении, Россия все же и в этом контексте остается незримым участником региональных процессов. Проблема в том, как это участие сделать явным?

4. БУДУЩЕЕ ЦВЕ В СВЕТЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

4.1. Былая роль Советского Союза в Центральной и Восточной Европе, зоне его почти безраздельного и монопольного влияния, для многих в России наверное еще долго будет оставаться искусительным соблазном, источником "фантомных болей" и нереалистических подходов. Прямые попытки вызвать у бывших членов СЭВ интерес к какой-либо договорно-институциональной форме интеграции с Россией, которые время от времени предпринимаются, вопреки распространенному убеждению в ее недостаточном внимании к странам региона, встречают их негативную реакцию. Сама постановка вопроса о возможности восстановления прежнего уровня отношений со странами региона выглядит комично при сопоставлении экономических потенциалов ЕС и России, их способности быть полюсом притяжения, интенсивности экономических и политических связей с ними государств ЦВЕ. Попытаться занять место альтернативного центра тяготения для России попросту непосильно, коль скоро она не может выполнять этой функции в своем "ближнем зарубежье". Хотя ЕС объективно замещает Россию в регионе, рассматривать его как соперника бесплодно. Быть его конкурентом она в обозримой перспективе не способна, а сам ЕС и для России, и государств ЦВЕ — более значимый партнер, чем они друг для друга.

4.2. Расширение НАТО повышает значение региона для России с точки зрения национальной безопасности, он остается крупным потребителем российского топливно-сырьевого экспорта и важной зоной его транзита. Однако экономические и политические реалии не оставляют места для иллюзий о его приоритетности для России. Для реализации подобной цели недостает ни ресурсов, ни экономических мотивов. Между тем внутреннее положение страны не позволяет ей ставить никаких амбициозных внешних задач, где решения стимулировались бы политикой, а не экономикой. Приоритетным партнером для стран региона не является и Россия, отношениям с которой отводится

третье-четвертое место — после ЕС, США и государств-соседей. Кардинальное изменение соотношения величин в треугольнике Россия—ЦВЕ—ЕС не только невозможно, но и невыгодно. Практическая задача гораздо скромнее и состоит в ином: сохранить позиции России в регионе и их несколько укрепить, предотвратив его превращение в "полосу отчуждения". Определенные шансы для этого есть и от России зависит: как они будут использоваться?

4.3. Готовящееся расширение ЕС и НАТО*** на восток по-новому ставит вопрос о характере взаимоотношений России с их участниками. Остановить эти процессы ей вряд ли удастся, но и игнорировать их она не может. Формирование на рубежах СНГ и непосредственно на западной границе России (в Калининградской области) мощного военного потенциала — инструмента возможного политико-силового давления и активного противодействия реинтеграции постсоветского пространства, небезразлично для безопасности страны. Окончательное экономическое вытеснение из региона, пусть и не самого значительного и перспективного в ее внешних связях (10,7% всего внешнеторгового товарооборота и 13,7% товарооборота с дальним зарубежьем в 1995 г.), также не отвечает ее интересам. Сроки, темпы, масштабы и формы расширения ЕС и НАТО зависят не от государств ЦВЕ, хотя они, кто вольно, кто невольно, выступают их активной и инициативной стороной. Претенденты — просители лишены возможности ставить условия, что им дали понять вполне недвусмысленно. Следовательно, и искать пути минимизации ущерба российским интересам необходимо в первую очередь там, где эти решения принимаются — среди государств-членов НАТО и ЕС. Это, естественно, не подменяет необходимости развития двусторонних связей со странами региона, но они объективно будут зависимы от характера отношений НАТО и ЕС с Россией, хотя в ее интересах по возможности их развести.

4.4. В Центральной Европе, за исключением Словакии, экономический интерес к России сочетается с политическим НАТО-центризмом. По отношению к ней в лучшем случае проводится политика "неконфронтационного дистанцирования", в худшем — стремление поднять собственную значимость и продемонстрировать предельную лояльность западным экономическим, политическим и военным структурам подвигает к претензиям на роль "санитарного кордона" и форпоста Европы на восточных рубежах или заставляет искать альтернативы поставкам российских энергоносителей, даже менее выгодные экономически. В Словакии, Болгарии, СР Югославии Россия может надеяться на меньшую "дистанцированность". Однако и она находится в явной зависимости от меры недостижимости ЕС и НАТО и трудностей во взаимоотношениях с ними у режимов с авторитарными наклонностями, пользующимися сомнительной международной репутацией. Неразумно конъюнктурные расчеты партнеров и преходящие обстоятельства делать основой собственной стратегии, хотя правомерно рассматривать их как тактический ресурс российской дипломатии, который может быть задействован в меру необходимости. У России нет средств изменить стратегический выбор стран региона и прием их в НАТО или ЕС лишь формально закрепит уже произошедшее перераспределение сфер влияния. Воздействие НАТО и ЕС на государства ЦВЕ существенно не уменьшится, а роль России — не увеличится, даже если возникнут помехи и задержки в процессе их приобщения к западным структурам. Но и сам прием в НАТО и ЕС тех или иных государств региона не решит экономических проблем между западной и восточной частью континента и не поставит точки в истории политических отношений России со странами ЦВЕ. Ситуация, сложившаяся в треугольнике Россия — Греция — Турция, — наглядное тому подтверждение. Не стоит поэтому, жестко отстаивая свои интересы в вопросе о расширении НАТО, придавать чрезмерное значение самому акту вступления в альянс тех или иных стран региона. Они и в этом случае не окажутся полностью "отрезанным ломтем", и критерием отношения к ним России целесообразно считать их поведение в качестве претендентов или новых членов альянса: будут ли они опорой его дальнейшей экспансии в постсоветское пространство, поборниками изменения баланса сил, или сторонниками благожелательной линии по отношению к Москве?

*** Темы "Россия и НАТО", "Россия в постсоветском пространстве", имеющие самостоятельное значение, в докладе подробно не рассматривались, поскольку им уже были посвящены документы Совета по внешней и оборонной политике.

Публично декларируемое отсутствие антироссийских намерений должно получить конкретное подтверждение в учете российских озабоченностей.

4.5. Экономические связи государств ЦВЕ с Россией не настолько сильны, чтобы придавать им политическую нагрузку: практика показывает, что они развиваются тем успешнее, чем менее политизированы. Сохраняющаяся энергетическая зависимость региона от российского нефтегазового экспорта, учитывая немаловажную его транзитную роль, окажется обоюдоострым оружием при попытке использовать ее в политических целях. Расширение ЕС и НАТО на восток оказывает противоречивое воздействие на российские позиции в странах ЦВЕ. С одной стороны, торговая и инвестиционная экспансия в регион западных компаний, обостряющаяся конкуренция на региональных рынках, переход на стандарты ЕС, ухудшение торгового режима, попытки конкурентов потеснить Россию как ведущего поставщика газа, нефти и вооружений уменьшают экономическое присутствие России в регионе. С другой стороны, евроцентристский ориентир парадоксальным образом становится значимым, хотя и по-разному действующим фактором роста интереса к российскому рынку и там, где прием в ЕС кажется достижимым, как для стран Центральной Европы, и там, где это остается отдаленной перспективой, как в Юго-Восточной Европе. В одном случае к наращиванию экономических связей с Россией побуждает недостаточный интерес ЕС к слаборазвитым партнерам, в другом — само приближение к ЕС и ужесточившаяся конкуренция на приоткрывшемся внутреннем рынке поворачивает многие сектора экономики на восток в поисках менее требовательных и более многочисленных потребителей. В движении в том же направлении заинтересованы и западные инвесторы в регион, которые вряд ли удовлетворятся не слишком емким рынком. Все это объективно создает основу для трехстороннего взаимодействия ЕС, стран ЦВЕ и России. Даже вступление в НАТО, убыточное вне антироссийского подтекста, косвенно может стимулировать рост интереса стран ЦВЕ к увеличению торговли с Россией. Дополнительная нагрузка на экономику государств региона осложнит и задержит их прием в ЕС, что потребует активного поиска дополнительных внешних резервов роста экономики: это вряд ли достижимо за счет экспорта на перенасыщенные и взыскательные западные рынки.

4.6. Непрактично, однако, создавать ложное впечатление, что спасение определенных секторов экономики стран ЦВЕ и смягчение тем самым процесса их интеграции с ЕС России более необходимо, чем ее партнерам. Это — лишь основа для установления равноправных и взаимовыгодных отношений России с ЕС и государствами региона, которые позволят предотвратить экономический и политический раскол Европы. И предоставляя более благоприятные возможности для роста экспорта партнеров на собственный рынок, Россия вправе и в силах добиваться встречных уступок и учета своих интересов как от ЕС, так и стран ЦВЕ. Принципиально важно, чтобы стратегия сотрудничества со странами региона основывалась не только на элементах былого единства, к тому же во многом утраченных, но создавала структуры новой общности, где ЕС и Россия выступают не как противостоящие полюса, а как взаимодополняющие части европейской экономической целостности. Иная, конфронтационная линия в самом лучшем случае сулит России в регионе лишь кратковременные удачи на периферийных участках. Впрочем, в случае нежелания партнеров считаться с законными российскими интересами может оказаться бесполезным обозначить возможность политики альтернативной согласованному и взаимовыгодному взаимодействию.

4.7. Побочное следствие (хотя и один из важных мотивов) расширения НАТО и ЕС на восток — возможность изменения отношений на европейской части постсоветского пространства. Правда, на Россию в 1995 г. приходилось 86% импорта ЕС (12 стран) из СНГ и 75,6% экспорта, а с учетом торговли с Финляндией, Австрией и Швецией эта доля еще выше и в ближайшем будущем не может существенно снизиться. Однако, для Белоруссии, Украины и Молдавии сопредельные государства ЦВЕ являются совершенно несопоставимыми с Россией, но значимыми партнерами. Их значение возрастет после вступления государств ЦВЕ в ЕС. Увеличится и политико-военное влияние НАТО в постсоветском пространстве. Но в долговременной перспективе обратить вспять тенденции его эрозии и реструктуризации вокруг иных полюсов экономического и политического притяжения может лишь экономическое возрождение самой России, ее реальная способность и согласие нести расходы, связанные с ролью центра реинтеграции в СНГ. Заведомо очевидно: любое укрепление интеграции в постсоветском пространстве

не встретит одобрения ни на Западе, ни в сопредельных государствах ЦВЕ. Но действительный удельный вес России и ее соучастников в интеграционном образовании резко вырастет. Проявится и большая, чем прежде, готовность считаться с их интересами. Поэтому интеграция с Белоруссией, самоценная сама по себе и в контексте отношений с Украиной, приобретает особую важность в свете предстоящего вступления Польши в НАТО и ЕС.

4.8. Однозначность — обиходное выражение российских политиков и отражение их образа мышления, мало подходит при формулировании любой стратегии, и менее всего в отношениях с государствами ЦВЕ. Российской дипломатии уместно проявить большую широту: в выборе партнеров по диалогу среди различных политических сил стран региона не становиться заложником лишь тех, кто громко декларирует пророссийские симпатии, в противодействии расширению НАТО и его антироссийским аспектам не закрывать возможности взаимодействия с новыми членами альянса.

4.9. Проблемы во взаимоотношениях стран ЦВЕ и России не новы и чудодейственной панацеи для них не существует. Рациональное использование появляющихся шансов не только сохранить нынешние позиции России в регионе, но и обеспечить завоевание более перспективных, требует скоординированной государственной линии во внешней и внешнеторговой политике.

Государственной задачей остается формирование такой договорно-правовой базы взаимоотношений со странами ЦВЕ, которая обеспечила бы России недискриминационный торгово-экономический режим и финансовую поддержку ЕС взаимовыгодным трехсторонним проектам (для начала в инфраструктуре).

Российский топливно-сырьевой экспорт (в первую очередь поставки газа) и впредь будет основой товарооборота со странами ЦВЕ и опорой его дальнейшего роста. Но позитивное изменение структуры экспорта требует, чтобы успешная экспансия "Газпрома" в регион была бы не самодостаточной, а содействовала продвижению на рынки сопутствующего отечественного оборудования. Для противодействия конкуренции норвежских и английских газодобывающих компаний России (с учетом предложений Туркменистана и Узбекистана) целесообразно взять на себя роль генерального поставщика газа в Европу для всего СНГ, что важно и в контексте укрепления интеграционных процессов в постсоветском пространстве.

Значительное увеличение торговли со странами региона и восстановление позиций отечественных машиностроителей невозможно без целенаправленной государственной поддержки экспорта, его кредитования и страхования (в том числе предоставления "связанных кредитов" странам-партнерам), поощрения негосударственных финансовых институтов, берущихся выполнять эту государственную функцию. Свою роль здесь мог бы сыграть и формирующийся Фонд поддержки экспорта. Одно из направлений наращивания экспорта — расширение масштабов технического содействия. Возможный способ преодоления финансовых трудностей — участие в торгах в счет средств международных финансовых организаций или на условиях субподряда у иностранных компаний.

Укреплению позиций российской атомной промышленности способствовало бы возобновление приема отходов АЭС стран региона для переработки и захоронения.

Стоит продумать возможность использования свободной зоны в Калининградской области для сотрудничества со странами Центральноевропейской зоны свободной торговли.

Повышение доходности товарообмена предполагает замещение посредников во внешнеторговом и финансовом обслуживании взаимной торговли российскими или совместными с региональными партнерами фирмами и банками.

Совместное предпринимательство способно активизировать и трехстороннее производственное сотрудничество. Особенно перспективно оно в тех секторах экономики стран ЦВЕ, где западные инвестиции уже произвели модернизацию производственного потенциала и обновленное предприятие ищет новых рынков сбыта. Российский партнер, как проводник на отечественный рынок, способен стать третьей стороной совместного предприятия, по разным причинам выгодного всем участникам.

Основным препятствием расширения сотрудничества России и стран ЦВЕ во всех его формах остается недостаток у сторон финансовых средств. Определенную роль в решении этой проблемы могли бы сыграть совместные банки сторон и более активное проникновение в регион российских коммерческих банков. Однако и это предполагает ощутимую поддержку со стороны государства: импорт иностранного банковского капитала мог бы оговариваться предоставлением аналогичных условий для экспорта российского; при определении условий наращивания товарооборота правомерно ставить вопрос о создании благоприятного режима для экспорта обслуживающего его банковского капитала. Потребность во внедрении новых платежно-расчетных конструкций (валютный клиринг, кредитование, расчеты в национальной валюте), позволяющих устранить "узкие места" в экономических взаимосвязях, нужда в новых центрах привлечения дополнительных финансовых ресурсов требуют обогащения структуры обслуживающих сотрудничество банков. Открытым остается главный вопрос — способно ли российское государство в его современном состоянии выполнять те свои функции, которые для взятых за образец "цивилизованных" стран, являются рутинными?